

Элен Скор

ХОЗЯЙКА СТАРОЙ УСАДЬБЫ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С44

Скор Э.
С44 Хозяйка старой усадьбы / Элен Скор – М.: Литнет, 2026. – 508 с.
ISBN 978-5-521-99827-2

Загадала на свой день рождения начать все сначала? А оно возьми и сбудься! И теперь я в другом мире, в теле юной баронессы. Вот только дорогой папенька сослал девушку в монастырь, и думать о ней забыл. Но баронская усадьба почти полностью разорена, а то, что осталось, кредиторы грозятся забрать за долги, и спасти ее может только мое замужество с богатым престарелым соседом, уже похоронившим несколько молодых жен. Ну, или мой ум и смекалка. Усадьбу восстановим. Соседу дадим отставку. А сроку у меня на это всего два года.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99827-2

© Литнет, 2026
© Э. Скор, 2026

Пролог

– День рожденья – грустный праздник. Ты улыбнись, улыбнись, улыбнись, не грусти напрасно! – доносилось со стороны сцены.

Молоденькая девушка в серебристом вечернем платье пела чистым звонким голосом. Интересно, кто заказал эту песню? Как раз в тему, настроение совсем не праздничное.

Не успела девушка допеть до конца, как в зале погас свет и работники ресторана ввезли тележку с огромным тортом.

– С днем рождения! Поздравляем! Долгих лет! – слышались со всех сторон слова поздравления.

Торт подкатили поближе. Многочисленные свечи, торчащие из кремовых роз, отбрасывали причудливые тени. Даже не стоит считать, я и так знаю, что их сорок пять. По одной за каждый прожитый мною год.

– Загадывай желание и задувай!

Желание... желание у меня одно: начать все сначала! Жаль, оно никогда не исполнится.

Задуть свечи с первой попытки не удалось, пришлось дуть несколько раз. Сразу же накатила слабость и слегка закружилась голова. Я опустила на стул и с вымученной улыбкой взяла первый отрезанный кусочек торта, который сразу же отодвинула от себя подальше. Не люблю сладкое. А при взгляде на огромные кремовые розы сразу начинало мутить.

Выровняла дыхание, откинувшись на спинку стула и глядя, как гости разбирают куски торта. Разодетые в пух и прах дамы сверкали драгоценностями, которые решили «выгулять» по случаю банкета. Мужчины, сплошь в дорогих костюмах, старались засветить друг перед другом очередные дорожные часы на запястье, как бы невзначай сдвигая рукав пиджака. Все это я замечала, скорее всего, по привычке подмечать всякие мелочи. В моей работе без этого никак.

А собралась вся эта блистательная компания в самом дорогом заведении города по одной причине – на мой день рождения.

Закадычная подруга Юлька как-то рассказала по секрету, что приглашениями, которые рассылает мой секретарь за месяц до этого мероприятия, хвалятся перед подругами. Считается особым шиком в разговоре вскользь обронить, что, мол, иду на именины к самой Екатерине Снежиной.

Мои косметические фабрики и сеть магазинов известны далеко за пределами родного города. Недавно вон даже контракт с китайцами подписали!

В общем, к своим сорока пяти годам стала я женщиной обеспеченной, по местным меркам даже очень, но при этом сдержанной и не особо общительной. Возможно, именно поэтому – а может, все дело в фамилии – за спиной меня называли Снежной королевой. И не то чтобы я не хотела общения, мне на это банально не хватало времени. Думаете, мне богатство на голову с неба свалилось?

И теперь я сижу в лучшем ресторане города с совершенно чужими мне людьми и праздную свой последний день рождения.

Глава 1

Выросла я в интеллигентной семье. Отец, профессор уже в годах, и мама, его бывшая студентка. Бабушка, работающая заместителем директора на косметической фабрике.

Не стоит и говорить, что с меня пылинки сдували. Любимая дочка и внучка. Все лучшее Катеньке! Мама ни дня не проработала, отдавая себя всецело воспитанию единственной дочери. Музыкальная школа по классу фортепьяно, кружок рисования. Так как маменька видела меня женой профессора (как папенька) или еще какого важного человека, я посещала занятия по домоводству. Кройка и шитье, вязание и приготовление изысканных блюд. Этого маменьке показалось мало, добавились уроки танцев. Параллельно мы посещали выставки и музеи.

В редкие свободные минуты мама учила меня французскому, которым владела в совершенстве. Тайной мечтой маменьки было выдать меня замуж за дипломата.

Стоит ли говорить, что свободных минут у меня практически не оставалось. Я не гуляла с соседскими детьми во дворе. Да и в школе друзьями не обросла, со всеми держалась ровно, но и не сближаясь. Хотя многие хотели дружить с симпатичной отличницей, девочкой из обеспеченной семьи, которая спокойно могла купить на карманные деньги шоколада «Белочка» на весь класс.

Единственная, с кем я сдружилась, – это Юлька, жившая этажом выше. Мать Юлии работала в ателье швеей и частенько шила наряды для бабушки и мамы. Отец Юльки исчез в неизвестном направлении еще тогда, когда подруга пешком под стол ходила. Поэтому, в очередной раз увидев нас вместе, маменька только поджи-мала губы, но молчала. Швеей Юлькина мать была от бога, такие наряды шила – от заграничных не отличить!

Из школы меня забирал папин водитель. Маменька умудрилась

выбить для отца служебную машину. Затем после обеда по расписанию начинался забег по кружкам и дополнительным занятиям.

Летом обязательный отдых в санатории на южном побережье. Путевки были на выбор, как от папеньки, так и с фабрики, где заместителем директора трудилась бабуля.

Счастливая обеспеченная семья. Все это рухнуло в одночасье. Счастливое детство, проведенное в стране, которой не стало. Лихие девяностые.

Интеллигентный папенька и мама, никогда в жизни не работавшая, не смогли, не сумели приспособиться к реалиям новой жизни. Сначала опустел холодильник, из которого исчезли привычные деликатесы. Затем, когда я выросла из очередной курточкой, оказалось, что другую покупать просто не на что.

Семья держалась только на бабуле. Она умудрялась через своих многочисленных знакомых продавать висящие в шкафу вещи – сначала свои, а потом и мамины. Хотя та пыталась протестовать, бабуля ее быстро осадила:

– Шелковой кофточкой сыт не будешь! Тебе дочь кормить нужно, молодому растущему организму витамины нужны!

Шкафы быстро пустели, и, провожая глазами очередную любимую польскую блузку, маменька решила на невиданный шаг. Они с отцом заняли денег и отправились с другими такими же челночниками за китайским ширпотребом, расхोdivшимся на местном рынке как горячие пирожки.

Им не повезло. В первой же поездке на их автобус напала банда грабителей, вытаскивающая из битком набитого автобуса все клетчатые сумки с товаром. Папуля, конечно, не мог допустить такого беспредела, ринулся отстаивать купленные на занятые деньги шмотки. За ним кинулась и маменька. Их застрелили там же, около автобуса, брезгливо откинув, чтобы не запачкали кровью товар.

Очевидцы потом говорили: сами, мол, виноваты, куда поперли на вооруженных бандитов. Мол, не до шмоток, ноги бы унести.

Так мы остались вдвоем с бабулей в огромной четырехкомнатной квартире. Бабушка Анна недолго горевала о потере любимого сына. На руках внучка, оканчивающая школу. Фабрика, на которой она работала, вконец разорилась, остался лишь один небольшой цех, где производилось мыло. Вонючие белые прямоугольные куски, которые стало все труднее сбыть, ведь на прилавках появилось душистое заграничное в красивых ярких обертках. Поэтому зарплату стали выдавать этими самыми прямоугольными кусками, несколько ящиков уже стояли у нас на лоджии, наполняя ее удушливым ароматом.

И тут выяснилось, что денег на товар папенька занял не у кого-то там, а у местного криминального авторитета, разъезжавшего по городу на блестящей заграничной машине.

Вот тогда бабушка по-настоящему испугалась. Не за себя – за мою жизнь. Ведь ей очень прозрачно намекнули, как с моей помощью можно отработать долг. По улицам города уже прогуливалась стайка молодых девиц с вызывающим боевым раскрасом на лицах, в коротеньких юбчонках, и называли их красивым заграничным словом – «путаны».

Как уж там бабушка вывернулась, но сначала опустела шкатулка с драгоценностями моей мамы, потом бабулина. Остались только два старинных комплекта, передававшихся из поколения в поколение.

– Твое приданое, – говаривала бабушка.

Но вскоре в шкатулке стали появляться новые украшения. Современные. А тот самый авторитет Алик зачастил в наш двор. Бабуля принаряжалась и выпархивала из дому, строго-настрого наказывая мне из квартиры ни ногой.

Как ей удалось окрутить Алика, она никогда не рассказывала, но только вскоре он выкупил (или отжал) вконец закрывшуюся фабрику и подарил ее бабушке. Я к тому времени окончила школу с золотой медалью и пошла учиться на отделение химических технологий. Здесь уже бабуля настояла.

Не было больше многочисленных походов по кружкам и занятиям, у меня неожиданно появилось свободное время, потому как бабуля дома практически не бывала.

Студенческая жизнь мне понравилась. Будучи девушкой жизнерадостной и общительной, я быстро влилась в коллектив, даже завела приятельниц и приятелей.

Так пролетел первый курс, а летом бабушка Анна потащила меня на свою работу.

– Фабрика тебе останется, нужно знать, как с делами управлять. С низов начинать нужно, – утверждала она.

А потому в свободное от основной учебы время я была записана на бухгалтерские курсы, а квартира наполнилась книгами типа «Сто лучших советов, как построить свой бизнес». И снова все свое время я проводила за учебой.

Старые приятельницы подрастерялись, новых я не завела. Осталась одна только Юлька, с которой мы так и жили в одном подъезде.

Тетя Маня, отличная швея, вдруг из едва сводившей концы с концами матери-одиночки превратилась в бизнес-леди. Сначала сама продавала подрубленные полотенца и халатики на местном рынке, а вскоре арендовала подвал в соседнем доме, посадив туда несколько швей. Дела быстро пошли в гору. Возможно, помогла дружба между ее дочерью и мной, но ее подвал не трогали ни бандиты, ни менты, собирающие дань со всех местных торгашей.

Юлька, как и я, все свободное время посвящала учебе. Она с детства мечтала стать судьей. Сидеть за столом в длинной мантии и стучать маленьким деревянным молоточком. Нашу дружбу, пронесенную чуть ли не с детских горшков через школьные годы, не смогло разорвать даже то, что учились мы в разных институтах. Вечерами мы собирались то у нее, то у нас, вместе засев за учебники.

Алик к тому времени называл меня дочкой, в холодильнике теперь не переводились заграничные деликатесы, в шкафу появилась фирменная одежда. Жизнь потихоньку налаживалась, только

иногда, очень темными ночами, я слышала, как плачет бабушка Анна в подушку, тихонько поскуливая, как побитый щенок.

Время шло, мы с подругой все больше отдалялись от сверстников. Поначалу они все еще пытались пригласить на вечеринку красивых, модно и дорого одетых девушек. Парни пытались познакомиться. Но, узнав, кто стоит за моей спиной, быстро оставляли в покое. Банально побаивались.

Юлька стала подрабатывать в частном адвокатском кабинете, набираясь опыта. Меня бабуля все чаще стала таскать на фабрику. Здесь уже работали несколько цехов, производящих кремы для лица и рук, несколько сортов душистого разноцветного мыла и пару видов шампуня – в те годы очень дефицитного товара.

Бабуля крепко держала все производство в своих цепких наманیکی-ренных ручках. Меня, как и обещала, она сначала ставила на упаковку товара, постепенно переводя на более ответственные должности. Так что, можно сказать, все производство я изучила с самых низов. Знала все слабые и сильные стороны.

Время летело с неумолимой скоростью. На улицах все чаще попадались бывшие одноклассники, ведущие за ручку подрастающих дочек и сыновей. Это заставляло задуматься: а может, и мне пора?

Но после того как я села за руль серебристой «ауди», жизнь за окном автомобиля понеслась с еще большей скоростью.

У Юльки жизнь проходила примерно в таком же темпе, с разницей только в том, что она предпочла автомобиль отечественного производства.

Нет, мы с ней пытались завести отношения с мужчинами, только ничем хорошим это не заканчивалось. Юлька поймала своего в постели с соседкой, а я со своим рассталась после того, как он намекнул, что неплохо бы было подарить ему машину. Причем на новенькую «девятку» он страшно оскорбился, но, когда я вышвыривала его вещи из квартиры, попытался все же прихватить ключи от машины с собой.

Заканчивались девяностые. Алика задело шальной пулей в одной из перестрелок.

Фабрика к этому времени уже уверенно встала на ноги, и в городе открылось несколько магазинов с логотипом снежинки. Этот наш фирменный знак бабуля углядела на одной из записок, которые мы с Юлькой передавали друг другу. Там вместо подписи я рисовала снежинку.

Однажды бабуля открыла шкатулку с моим «приданным» и торжественно вручила мне кулончик в виде снежинки, усыпанный крошечными блестящими камешками. С тех пор я его никогда не снимала.

После смерти Алика бабушку попытались прессануть и отобрать бизнес. Но времена уже изменились, да и много полезных знакомств у нее за спиной накопилось. Конечно, мы отстегивали мзду за относительно спокойное существование, но нас больше не трогали.

Времена действительно стремительно менялись. Изменились и люди. Внедрялись новые технологии, фабрика разрослась в огромное производство, на ней уже работала чуть ли не треть города.

Бабуля постепенно отошла от дел. Ее все чаще стали беспокоить головные боли. На открытие сети магазинов в соседнем городе она уже не поехала. Последнее время бабушка увлеклась старинными рецептами изготовления косметики на травах. Мы даже открыли небольшой цех по производству натуральной косметики, которая, к моему удивлению, стала пользоваться большим спросом, несмотря на высокую цену. Так у нас появился цех элитного производства.

Юлька к тому времени уже открыла свой адвокатский кабинет и сменила пару мужей. Уверившись в том, что все мужики козлы, она посвятила себя исключительно карьере.

Я, глядя, как дети одноклассниц заканчивают школу, попыталась наладить отношения с противоположным полом, но потом, как и подруга, махнула на это рукой, по ее совету найдя себе партнера исключительно «для здоровья». Им стал один из поставщиков товара, проживающий в другом городе. Его, как и меня, устраивали